

— Андрей, расскажите о вашей пьесе «Маскарад маркиза де Сада». Откуда такая «театральная фантазия»?

— Я, когда стал поднимать литературу по маркизу де Саду, выяснил, что его собственные портреты отсутствуют в принципе. Что странно, потому что он — очень знаменитый человек.

Его с патологической настойчивостью арестовывали — при всех правительствах, а их при его жизни поменялись пять или шесть. Ходили разные книжки под его именем, и было неизвестно, он их написал или нет. А его всю жизнь преследовал один полицейский!

Потом, когда я стал читать книжки (которые оказались просто детским лепетом на фоне «Плейбоя») и философские трактаты, я подумал, что, возможно, на самом деле человек жил одной жизнью, а другую придумал, и этой жизнью заставил жить полицейского? И тот действительно был развратником. А маркиз при этом сидел тихо и сочинял истории. Все факты, которые в пьесе есть, — как его сажали, сжигали — это все правда.

Моей пьесе 12 лет. Она написана в другой стране. Во времена, когда все говорили: «Неужели будет война в Чечне? Да что вы! Не может быть».

— Чем вы объясняете театральный зрительский бум? Подъемом театра?

— Я объясняю это плохим телевидением. У нас телевидение очень понятное и предсказуемое. Я включаю сериал — он может называться как угодно — и примерно знаю, что увижу. Очень мало открытий, мало людей.

— Есть театр, который вам нравится?

— Мне вообще нравится театр. Я посмотрел у Сергея Арцыбашева спектакль «Старший сын» и был потрясен до такой степени, что ничего не мог ему сказать. Очень мне понравились «Две женщины» в Ленком:

— Билеты на хорошие спектакли стоят от 500 до 1000 рублей. Не дорогого ли?

— Театр, как и все, участвует в рынке. Если спектакль Пинкаса стоит 800 рублей, значит, билеты расходятся. Самое главное: у человека есть выбор — он может пойти на дорогого Меньшикова, а может пойти на кого-нибудь дешевого.

Вот я сейчас выпускаю спектакль. Продюсер спрашивает: нам нужен пресс-секретарь? Но зачем — я уже сейчас знаю, что вот эти газеты нас похвалят, а эти — поругают. Критика оценивает не спектакль как таковой, а человека. Меня, например, похвалит, что у нас эталонной театральности и классиком современного театра считается Фоменко, а не Захаров.

— Да почему же, Андрей?

— Фоменко — замечательный режиссер. Но — существующий кейлино. В его театр трудно попасть, там мало мест и так далее. А вот в Москве существует режиссер, который воспитал несколько поколений звезд. Его театр невероятно много лет работает с аншлагами. У нас есть одна любимая государством театральная премия — «Золотая маска». Так вот Захаров не получал ее никогда.

Я был членом жюри «Золотой маски». Я видел, как театральные критики влияют на процесс... Как можно относиться к театральной критике, которая вообще не видит антрепризу?

Я сейчас ставлю спектакль с петербургским продюсером Ниной Петровой. Она выпустили два спектакля Мирзоева по пьесам Гарольда Пинтера — «Коллекция» и «Любовник». Там играли

Елена Шанина, Евгения Симонова, Валентин Гафт, Сергей Маковецкий, Максим Суханов! Разве это изменило отношение критики к антрепризе? Разве она ахнула? Да ведь у нас и по уставу премии антрепризные спектакли выдвиганию не подлежат...

Прочитал в газете «Известия» статью о спектакле, который поставил Козаков, где играет Мишулин. В таком оскорбительном тоне говорить о Козакове недопустимо.

— А кем ангажирована театральная критика?

— Вот сейчас выйдет мой спектакль со Стекловым, Стекловой, Шаниной и... Расторгуевым. И какой будет для них кайф раздолбить Расторгуева. Я понимаю, какое это удовольствие. Наверняка будет за что побрызгать слюной — человек первый раз в театральной постановке. А поддержать — не так интересно.

Критика если кем и ангажирована, то временем. Якобы так и надо думать, видеть, жить. Это стильно.

Лет пять назад в «Коммерсанте» я прочитал заметку про себя, где было написано: «Максимов приступил к репетициям спектакля «Французский бенедикт» в Театре Пушкина. Спектакль обещает быть пошлым и неинтересным». Я репетировал только два дня! Это мне напомнило давние времена, когда я в журнале «Советский экран» прочитал слова про Герасимова: «Сергей Аполлинарьевич Герасимов приступил к съемкам выдающегося фильма современности», — меня это потрясло: он только два раза нажал на кнопку камеры...

Андрей МАКСИМОВ:

ПОДЪЕМ ТЕАТРА

Я ОБЪЯСНЯЮ ПЛОХИМ ТЕЛЕВИДЕНИЕМ

кина. Спектакль обещает быть пошлым и неинтересным». Я репетировал только два дня! Это мне напомнило давние времена, когда я в журнале «Советский экран» прочитал слова про Герасимова: «Сергей Аполлинарьевич Герасимов приступил к съемкам выдающегося фильма современности», — меня это потрясло: он только два раза нажал на кнопку камеры...

— Хорошо, но вот — антрепризная постановка... Приглашаются сторонние звезды, иногда даже не театральные артисты... Для того чтобы они привели за собой своего зрителя? Как рассматривать эту ситуацию?

— Вы полагаете, что режиссер собирает артистов, исходя из принципа «знаменитость — не знаменитость»?

Если в антрепризе участвуют театральные звезды, лучшие артисты, работать с ними очень тяжело. Буду говорить про себя. Вот я делаю спектакль. В нем участвуют Лена Шанина, Володя Стеклов, Коля Расторгуев и Граня Стеклова. Стеклов и Шанина — народные артисты, опытные люди, с которыми работать чрезвычайно интересно. Они играли у Захарова, у очень многих... Репетировать с ними достаточно тяжело.

Работать с Расторгуевым, который никогда не выходил на сцену, тоже очень тяжело. И он это прекрасно знает. Мне было бы гораздо проще позвать на эту роль, например, Диму Певцова. Проще. Расторгуеву надо все объяснять. Но никого же не будет волновать сколько мы с ним мучились. Все же будут думать, что я позвал Расторгуева для афиши...

Научить гимнастку Светлану Хоркину играть спектакль по Артуру Миллеру — это очень трудно. Тяжелая задача. Можно ведь собрать кассу и не трать таких усилий.

Зная Расторгуева, представляя себе его как человека чрезвычайно нежного, мягкого и доброго, хочу, что-

бы его увидели таким. Его не увидят таким зрители на концертах «Любэ»! А он на самом деле человек очень стеснительный. Я хочу, чтобы это было видно! Я дал Расторгуеву прочесть пьесу, где были две роли: роль жестокого, волевого мужчины и роль, как он сам говорит, «валенка». И спросил: что он хочет играть? Он ответил: «Я хочу играть «валенка».

Я прекрасно понимаю, все будут говорить: зачем? Зачем взяли такого талантливую Расторгуева, который так талантливо поет и так бездарно играет? Вы думаете, кто-нибудь меня похвалит? Скажет, мол, Максимов — молодец, открыл актера?

Мне сейчас интересен Расторгуев. Не как звезда, а как человек. Я использую спектакль, чтобы начать с ним

дружить и общаться. Мы каждый день встречаемся, репетируем. Но никто же не будет брать в расчет, что мы месяц репетировали у меня дома вдвоем.

На первой репетиции я всегда говорю артистам: мы должны хорошо провести время — получится у нас спектакль или нет.

После одной из репетиций Стеклов сказал в порыве не знаю чего: «Как хорошо, что я вас завтра увижу!». А потом придут критики, посмотрят и скажут, что мы козлы. Между тем мы полтора месяца замечательно проводили время, и это была напряженная работа.

В спектакле есть девочка, которая играет на флейте. Представьте себе девочку из консерватории, которая пришла в спектакль, где играют такие артисты. Первое время она рта не могла открыть. А когда вчера мы делали сцену, где она играет на флейте, а у нее в ногах крутится Стеклов, она говорит: «Надо же, у меня в ногах валяется сам Стеклов!». Когда люди нормально общаются, то из этого может получиться что-то хорошее! А может и не получится. Первый спектакль мы играем в Питере в зале на две тысячи мест. И я не знаю, как отреагирует публика...

— Почему в Питере?

— Поскольку продюсер питерский, то премьеру мы решили сделать в его городе, а потом, 6 июня, — премьеру московскую, в Театре Маяковского.

Музыку написал Сережа Шустик, показал Расторгуеву, а тот попросил своего гитариста из группы «Любэ» записать эту музыку на специальном оборудовании, чтобы она лучше звучала. Он пред-

Архив «Новой газеты»

лагал это через меня, чтобы, не дай бог, не обидеть Сережу.

— Расскажите про Граню Стеклову, какая она?

— Потрясающая актриса. Она, на мой взгляд, очень скоро откроется как замечательный профессионал. Когда я сказал Стеклову, что хочу, чтобы у нас в спектакле была Граня, по лицу я видел, что он очень доволен, но ни слова не сказал. Абсолютно моя идея была.

Потрясающие, блистательные молодые актрисы у Фоменко. Например, Кутеповы. Но они не единственные в Москве.

Граня стационарно существует в театре «Сатирикон», где играет множество ролей. Я посмотрел спектакль «Жак и его господин» по Кундере, где она играет, как большая русская актриса.

— В охаянной критикой «Трактирщице» она потрясающе сыграла.

— Я спектакль не видел, но Стеклов сказал, что все в порядке.

— Что вам близко из современной драматургии?

— Я считаю главным драматургом второй половины двадцатого века Горина. Это гений. Замечательный драматург Володин.

— А из молодых?

— Если я скажу, что никого нет, то нехорошо получится. Почему я выделяю Горина — мне нравятся пьесы, в которых люди хорошо разговаривают, афористично, парадоксально, и истории, сюжеты простые. Когда я спросил Горина: «Григорий Израилевич, а почему вы не пишете пьесы про совре-

менную жизнь?», он ответил: «Потому что я не могу написать «Рэкетир: (входит)...».

— Вам за время работы на телевидении не хотелось поставить что-нибудь в жанре телеспектакля?

— Очень хотелось. Я пока пробую выступить на телевидении в качестве драматурга. Мы с режиссером Худяковым начинаем делать сериал для канала «Культура». Это будет сериал из восьми серий по произведениям писателей двадцатого века о любви. От Чехова до Шукшина. Но — только умершие авторы.

Есть, конечно, финансовые проблемы — из-за этого у нас не будет Бунина: денег снять дорого — нет, а дешево снимать — не получится. Чехова можно снять за дешево, а Бунина — нет. Что ни в коем случае не говорит о качестве авторов.

Две главные роли будут играть одни и те же люди, они будут разыгрывать сюжеты в разных эпохах. И между ними будет происходить какая-то история перед началом каждой серии — минут на пять.

За лето я должен написать все восемь серий.

— Как вы думаете, возможно возрождение телеспектаклей?

— С приходом Пономарева, думаю, да. Если будут деньги, будут возможности, «Культура» сделает все мыслимое. Я знаю. Вот Мирзоев сейчас снимает телеспектакль. Я бы тоже очень хотел снять телеспектакль.

● Беседовала Екатерина ВАСЕНИНА

Только начав ставить, я уже знаю, какие газеты нас похвалят, а какие — поругают

Его все знают как телеведущего (он даже написал книгу о телевидении и не только), многие — как автора пьес, поставленных в очень разных и по стилю, и по географическому положению театрах. С недавних пор Андрея Максимова начинают узнавать и в качестве режиссера, ставящего спектакли по своим пьесам

Максимов Андрей
5.06.02

236